

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Л. ЛИГЕТИ

АЛТАЙСКАЯ ТЕОРИЯ И ЛЕКСИКОСТАТИСТИКА

Некоторое время тому назад Дж. Клоусон, видный тюрколог и активный противник алтайской теории, опубликовал на страницах журнала «Вопросы языкознания» интересную статью, располагающую к дискуссии. В этой статье он предпринял новое наступление против алтайской теории, стремясь доказать посредством метода лексикостатистики, что эта теория ошибочна, неприемлема и должна быть отвергнута¹.

Воспользовавшись неоднократными приглашениями редакции журнала участвовать в дискуссии, я кратко изложу мои взгляды на алтайскую теорию; мои замечания будут сгруппированы вокруг вопросов, которые прямо или косвенно были поставлены в полемической статье Дж. Клоусона.

Что можно ожидать с точки зрения алтайской теории от двух списков, каждый на сотню слов (см. табл. 3, стр. 33—37), которые используются глоттохронологией и лексикостатистикой и включают в себя обозначения понятий, рассматриваемые как наиболее важные единицы «основного словаря»?

Однако прежде чем приступать к обсуждению этой проблемы, необходимо поднять более общий вопрос: возможно ли по существу добиться выяснения алтайской теории на основе только лишь показаний лексики?

Нет сомнений в том, что эти показания чрезвычайно ценны, однако, я не думаю, что при разрешении вопроса об алтайском родстве можно было бы опираться только лишь на лексические данные, оставляя в стороне исследование фонетики и грамматических категорий. Не думаю, что этот метод был бы обоснованным для изучения любого другого языкового родства²; тем более представляется мне этот метод недопустимым, когда речь идет о родстве алтайских языков. Нас убеждает в этом история алтаистических исследований.

Здесь достаточно будет напомнить об одном лишь вопросе, относящемся к области фонетики, а именно о ротацизме и ламбдаизме. В самом деле, давнему мнению З. Гомбода была противопоставлена теория, выдвинутая Г. Рамstedтом, — зетацизм и сигматизм, как ее обычно называют. Благодаря непрестанным усилиям его последователей теория Рамstedта получила почти всеобщее распространение, хотя мнение меньшинства всегда имело видных представителей. Судьба этого вопроса, по всей видимости принадлежащего к числу чисто фонетических, для Рамstedта была предопределена его проалтаистическим воззрением, для которого он искал, и не однажды, в зетацизме довод в пользу алтайского языкового родства.

¹ Дж. Клоусон, Лексикостатистическая оценка алтайской теории, ВЯ, 1969, 5 (далее ссылки на эту статью даются в тексте).

² Ср.: A. Meillet, Linguistique historique et linguistique générale, Paris, 1958, стр. 46.

С точки зрения фонетической возможны обе экспликации. Однако если воспринять давнюю теорию Гомбоца (впрочем, позднее Гомбоц сам склонился к объяснению Рамштедта), по которой *г* и *л* восходят к первичным *з* и *š*, создается следующая картина.

В прототюркском установятся таким образом *з* и *š*; эти же согласные в чувашском представлены в определенных позициях посредством *г* и *л*. Это ясно и просто. Трудности начинаются, когда пытаются объяснить *г* и *л* в монгольском (не говоря уже о тунгусо-маньчжурских языках). Можно в крайнем случае допустить, что *г* и *л* в монгольском развились независимо от чувашского, но тогда необходимо спросить себя: почему они представлены именно в тех словах, которые есть и в тюркских языках, точнее — в чувашском? Монгольские слова, содержащие *г* и *л*, были заимствованы из чувашского, — отвечали на этот вопрос пятьдесят лет тому назад. Тем не менее, эта гипотеза, которая к тому же не была подкреплена какими-либо хронологическими или географическими данными, могла бы иметь серьезные последствия для алтайской теории. В самом деле, эта гипотеза затрагивает, по всей видимости, наиболее древний слой тюркских и монгольских корреспонденций. В то же время нельзя предположить, что монгольский заимствовал из чувашского (точнее — из предка чувашского языка) только слова с *г* и *л*; если же исключить эти слова, то почти не останется лексического материала, на которой могло бы опираться тюрко-монгольское и тем более — алтайское языковое родство. Вот почему эта гипотеза не имела последствий и была оставлена даже ее автором².

Если же вместе с Рамштедтом отправляться от идеи, что *г* и *л* первичны в тюркском, то следовало бы заключить, что чувашский удерживал без изменений прототюркское состояние и что в других тюркских языках *з* и *š* были инновациями. Состояние монгольского языка не требовало бы комментариев в этом случае, поскольку в нем сохранено состояние протомонгольское, и ничто не мешает нам возводить прототюркские и протомонгольские *г* и *л* к предшествующей алтайской общности.

Как видим, экспликация Рамштедта гениальна с точки зрения алтайской и вполне удовлетворительна с точки зрения монгольской.

С точки же зрения тюркской здесь возникает трудность, которую обычно обходят молчанием и которую на деле совсем нелегко устранить. Как произошло, что именно чувашский язык, более других проницаемый для лингвистических изменений, мог сохранить состояние языка первобытного? И что же представляли собой тогда другие тюркские языки, «сверхстойкие к изменениям» (стр. 31), через которые могли бы проникать инновации? Дж. Клоусон не высказался с полной ясностью по этому вопросу, но думается, что не под влиянием возрений Рамштедта он возводит точку отсчета этой лингвистической эволюции к эпохе, отдаленной на 1500 лет в прошлое (см. стр. 30), — просто исследователю, уязвляющему статистические данные, трудно было бы поступить иначе.

Для того, кто все же принял подобную гипотезу, кто полагает, что монгольские (под вопросом) слова не есть след генетических отношений, но происходят от заимствования из тюркского, для того остается выбирать между двумя возможностями. Или он признает, что в прототюркском исходной точкой было *г* и *л* и что заимствование восходит к столь отдаленной эпохе, когда не существовало еще тюркского языка с *з* и *š*. Или же он высказывается за решение смелое, но отнюдь не абсурдное: оно состоит в признании того, что монгольский первоначально не обладал ни *з*, ни *š* (в интервокальной позиции и в конце слога), впоследствии ассимилировал эти согласные в своей собственной фонетической системе, заменив

² См.: J. N é m e t h, Die türkisch-mongolische Hypothese, ZDMG, LXVI, 4, 1912.

их посредством r и l . Эта гипотеза, таким образом, пытается объяснить состояние монгольского языка независимо от чувашского и от общего алтайского языка. Развернутая дискуссия по вопросу о ротацизме и ламбдализме, зетацизме и сигматизме выходит за рамки настоящей статьи⁴.

Обратимся теперь к лексике. Здесь проблема имеет две стороны. Речь идет о том, чтобы, во-первых, определить, позволяют ли представленные материалы и аргументы, выдвинутые Дж. Клоусоном, взять под сомнение алтайскую теорию; во-вторых, пригоден ли сам по себе метод лексикостатистики для подтверждения или, наоборот, опровержения языкового родства.

Каковы материалы, которые даются в табл. 3 двумя списками, каждый на три столбца (стр. 33—37)?

Материалы тюркского списка табл. 3 представляют в основном состояние тысячелетней давности. Наиболее древние из доступных в настоящее время письменных источников позволяют увидеть состояние, которое, будучи далеким от гомогенности, свидетельствует о достаточно развитой диалектной дифференциации. Самые древние источники монгольского языка имеют возраст 700 лет. В «Сокровенном сказании» XIII в. представлен иной диалект, нежели в «Muqaddimat al-adab» XV в. Маньчжурский, в котором довольно слабо отражается тунгусо-маньчжурская языковая группа, имеет письменные памятники трехсотлетней давности, к тому же они написаны мертвым, рано исчезнувшим литературным языком.

Таким образом, точка отсчета для этих трех языков располагается на различных хронологических уровнях, каждый список табл. 3 состоит из гетерогенных элементов, и, следовательно, выводы, основанные на них, уже à priori заключают в себе ошибочные начала. Однако за неимением лучшего обратимся к этой точке отсчета, поскольку она позволяет нам прийти, оперируя большой временной глубиной, к надлежащей аппроксимации.

В своих замечаниях, касающихся двух перечней табл. 3 — «Диагностические единицы» и «Дополнительные единицы», мы следовали обычному приему лексикостатистических исследований, т. е. оставался в стороне вопрос, имеет ли соответствие генетический характер или же оно восходит к заимствованию⁵. (Этот прием оправдан тем более, что в настоящее время мы далеки от возможности с уверенностью различать генетические корреспонденции и заимствования в алтайских языках.) Равным образом, мы не принимаем во внимание монгольские элементы в киргизском, якутском и тюркских языках Сибири, поскольку эти элементы не имеют отношения к сущности алтайской гипотезы. Однако мы учитываем монгольские элементы в маньчжурском, поскольку они имеют особое значение для проявления хронологии языковых взаимоотношений.

Сравнивая в глоттохронологических исследованиях лексику двух или нескольких родственных языков, сопоставляют не этимологические соответствия, но слова, которые в современном «основном словаре» занимают идентичное с семантической точки зрения место. Иначе говоря, эквивалентом английскому *head* «голова» в немецком является не *Haupf*, которое корреспондирует с ним в плане этимологическом, но *Kopf*⁶. Очевидно,

⁴ Из работ, посвященных этому вопросу в недавнее время, см.: O. P r i t s a k, Der «Rhotazismus» und «Lambdazismus», UAJB, 35, D, 1964; T. T e k i n, Zetacism and Sigmatism in Proto-Turkic, «Acta Orient. Hung.», XXII, 3, 1969 (здесь же см. библиографию).

⁵ D. H. H u m e s, Lexicostatistics so far, «Current anthropology», January, 1966, стр. 30: «Статистический метод не проводит различий между сходством, обусловленным заимствованием, и сходством, обусловленным генетическими отношениями».

⁶ См.: D. H. H u m e s, укаа. соч., стр. 13.

что выводы, сделанные на основе глоттохронологических сопоставлений, с точки зрения генетических отношений не имеют ценности (как если бы сравнивать франц. *tête*, латинск. *caput* и русск. *голова* для установления родства или неродства этих трех языков или шире — языков индоевропейских).

Тем не менее мы не отказываемся признать полезность глоттохронологических сопоставлений лексики на основе предложенных двух перечней табл. 3. Необходимо, однако, прежде всего рассмотреть истинные этимологические отношения, которые скрываются за глоттохронологическими различиями слов из этих перечней. Такой подход тем более мотивирован, что в алтаистических исследованиях еще не решен вопрос о том, каковы были те элементы алтайских языков, которые входили в этимологическое гнездо слов.

Приведем несколько примеров этимологических соответствий, которые противостоятся корреспонденциям глоттохронологическим.

Тюрк. *kögüz* «грудь, женская грудь», неотделимое от тюрк. (чагат.) *kökräk* «сердце», «грудь», *köksäk* «грудь», *kökül* «кормить грудью», имеет в качестве этимологического соответствия в монгольском, наряду с *če'efi* (№7 в табл. 3), *kökö* «женская грудь», а в тунгусо-маньчжурских языках: маньчж. *хихун* «1. грудь, 2. молоко», удэгейск., орокск. *ики*, негид. *икун*, эвенк. *икун*, *хикун*, *хихихи*, эвен. *икен*. Зато прямым соответствием монг. *če'efi* «грудная клетка», *čegeji* «грудь, верхняя часть груди» (оно противопоставляется тюрк. *kögöz* в табл. 3) в маньчжурском является *čejen* «верхняя часть грудной клетки», но не *тунгген*, как в табл. 3. Правда, алтаисты придерживаются на этот счет другого мнения — по их мнению, монг. *čegeji* этимологически принадлежит к маньчж. *тунгген* «грудь» вместе с найск., ульчск. *тунгге(н)*, орокск. *тунге*, орокск., удэгейск. *тунге*, негид., эвен. *тинген*, солонск. *тингге(н)*, эвенк. *тинген*⁷.

Тюрк. *topraq* «земля, прах» (№12 в табл. 3) имеет отношение к *тобраг*, *тобурат*, *тогурат* в монгольском (ср. монг. *köser*, *široi*, с которыми его сопоставлял Дж. Клаусон). К этой же группе принадлежат, естественно, тюрк. *тоз*, монг. *тогосун*, *то'осун*.

Тюрк. *qıl* «волос» (№21а), чуваш. *хөләх* в монгольском этимологически соответствует *китясун* «конский волос, грива; 2. струна (инструмента)», *китясун* «волос (на хвоста лошади)» (ср. монг. *(h)üsü* в табл. 3). В свою очередь, монг. *hüsün*, *üsün* «волос, волосы (на теле)» (дагурск. *хизи*, Тс. *хэс*; могорск. *fuDze*) совершенно регулярно соотносится с маньчж. *funigeze* «волос», читается *fuñeze*, *fuñize* < **fuñize*⁸.

Монг. *γar* «рука» следует этимологически связывать с тюрк. *qar* «верхняя часть руки; плечо»⁹ (ср. тюрк. *elig* — №22 в табл. 3).

Монг. *teri'ün* «голова, глава; начало» (№23) не позволяет рассматривать его этимологически вместе с маньчж. *ижу*, как это делается в табл. 3 (ср. чжурчжэньск. *ижу* то же, чжурчжаньск. *УЖУ*, чжурчжэньск. XII в. *ижу*¹⁰), его следует связывать с маньчж. *deribun* «начало, возникновение». В этой же группе с точки зрения семантической нужно коснуться интересного слова в монгольском: в «Сокровенном сказании» *heki* «голова», монг. *ekin* «начало, источник», дагурск., Тс. *хе'ки* «голова», Iv. *хекі*,

⁷ См.: G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I — Lautlehre, Helsinki, 1957, стр. 120.

⁸ Другие параллели см.: P. Pelliot, Les mots à h initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles, JA, 206, avril — juin, 1925, стр. 234; Г. Д. Саянжев, Маньчжуро-монгольские языковые параллели, Изв. АН СССР, VII серия — Отделение гуманитарных наук, 8—9, 1930, стр. 702.

⁹ Другие параллели к этому слову см.: G. J. Ramstedt, указ. соч., стр. 48.

¹⁰ См.: L. Ligeti, Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise, Acta Orient. Hung., I, 1950, стр. 158. Корреспонденции в других тунгусо-маньчжурских языках см.: G. J. Ramstedt, указ. соч., стр. 125.

могорек. *xegI* «источник, начало». Это монгольское слово этимологически следует соотнести с маньчж. *fexi* «1. голова, мозг, ум; 2. память». Другие (сомнительные) корреспонденции этого слова — тюрк. *māyi, māyi, bāyi* «мозг (головной)»; венг. *fej, fő, фин. pää*¹¹.

Тюрк. *bügüz* «рог» (*müyüz, müfüz, mügüz, miğüz*) связывается с монг. *mögeresün* «хрящ», калм. *mörön* «хрящ, род хряща или рога» (ср., однако, монг. *eber* «рог» — № 25 в табл. 3). В тунгусо-маньчжурских языках имеются еще: маньчж. *buge* «хрящ»; нанайск., ульчск., орокск. *bukse*, орокск. *uskē*, эвенк. *bukseken* «хрящ»¹².

Тюрк. *üz* (*düz*) «колено» (венг. *térd*) этимологически сопоставляется не с монг. *ebüdüg* (№ 26 в табл. 3), но с монг. *türei* «голенщик сапога», калм. *täre* то же. Другие эквиваленты — маньчж. *türe* «голенщик сапога», нанайск. *turęyse* «голенщик», ульчск. *tinękse*, орокск. *turęskę*, орокск. *tijaksa*, эвенк. *tirękse*, *turęj*, *tiręktę*, *tirękše*, *tiręxę*¹³. Маньчж. *buxi* «бедро, ляжка» (*buxi adame te* — «сидеть колено к колену»), сопоставленное в табл. 3 с тюрк. *üz*, этимологически соотносимо с монг. *böke* «выпуклый край у игральных бабок», калм. *bökö* «тыльная часть у игральных бабок», бурят. *bixé* «задняя часть туловища, зад»¹⁴. Здесь необходимо считаться с монг. *bögse* «зад», калм. *bökse* «задние ноги (у животного), зад» и т. д.; см. также маньчж. *buxi* «нижняя часть спины, часть ниже крестца».

От монг. *qabar, qamar* «нос» (№ 37) неотделимы монг. *qangsiyar, qongsiyar* «верхняя часть носа, переносица; рыло» так же, как маньчж. *qangzari, qangziri* «переносица»¹⁵.

Монг. *huja'ur, ija'ur* «корень; происхождение», противопоставляемое в табл. 3 маньчж. *da* (№ 41), этимологически соответствует маньчж. *jujuri*¹⁶.

Тюрк. *qut* «песок» (этимологически несовместимое с монг. *elesün* — ср. № 42 в табл. 3) соотносится с монг. *qutaу, qutaki* «мелкий песок, песчинка; водяная пыль», калм. *xut* «песок, пыль», *xut*^g «пылинка, песчинка». Тюрк. *qayir* «песок», также противопоставляемое монг. *elesün* в табл. 3, соответствует монг. *qayir* «гранит; крупный песок, речная галька».

Тюрк. *игу* «семья», в табл. 3 стоящее рядом с монг. *häre* (№ 43), соотносится с *игу* «родня, члены семьи» в «Сокровенном сказании», с монг. *игу* «семья, родственники по женской линии; род, племя». Вместе с тем монг. *häre* «семья» (монг. *är*-е «плод; потомок»), противопоставленное в табл. 3 маньчж. *ise* «зернышко», связывается с маньчж. *furi, fursun* «молодые побеги зерновых, цветов и других растений; прирост, развитие», нанайск. *puril* «детя», ульчск. *purul*, негид. *xuil*, солонск. *ivil*, эвенк. *xurel*¹⁷.

Монг. *kelen* «язык» (№ 50), вместе с *kele*- «говорить, уведомлять, сказать, высказывать, называть», *kelegei* «немой; заяк», имеет этимологические эквиваленты в тюркском *käläji, käläči* «слово», чуваш. *kala*- «говорить, сказать» и в маньчжурском *zele, zelen* «способность говорить; лязучтик»¹⁸.

¹¹ См.: L a k ó G y., A magyar szókészlet finn-ugor elemei, I, стр. 188—189.

¹² См.: Г. Д. С а в ж е е в, указ. соч., стр. 688; G. J. R a m s t e d t, указ. соч., стр. 420.

¹³ См.: G. J. R a m s t e d t, указ. соч., стр. 112.

¹⁴ См.: Г. Д. С а в ж е е в, указ. соч., стр. 688.

¹⁵ См.: там же, стр. 675.

¹⁶ См.: P. P e l l i o t, указ. соч., стр. 223; Г. Д. С а в ж е е в, указ. соч., стр. 703.

¹⁷ См.: G. J. R a m s t e d t, Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache, JSFOu, XXXII, 1916—1920; P. P e l l i o t, указ. соч., стр. 237.

¹⁸ См.: С. J. R a m s t e d t, Einführung..., I, стр. 47. Финно-угорские и самодийские эквиваленты для этого слова см.: L i g e t i L., Mongolos jövevénydnyavink kérdése, NyK, XLIX, 1—3, 1935, стр. 258—259.

У монг. *modun* «дерево» (№ 52) имеется непогрешимое этимологическое соответствие маньчж. *moo* (= *mō*); ср. также нанайск., ульчск., орокск., ороцк. *mō*, эвенк. *mō*, солонск., негид., эвен. *mo*¹⁹.

Тюрк. *ar-qa* «спина (анат.)» (в табл. 3 — № Д3), вместе с *ar-t* (то же), этимологически связывается с монг. *aru* «спина; тыл». Их другие корреспонденции — удгейск. *aka* «спина», орокск. *atta*, ороцк. *akka*, негид. *ajkan*, эвенк. *arkan*, эвен. *arkan*²⁰.

Маньчж. *suta* «веревка, шнур», противопоставленное в табл. 3 монг. *de'esün*, *degēsün* (Д 25), имеет регулярное соответствие в монг. *hutasun*, *utasun* «шнур, нить, шелковинка»²¹.

Монг. *hon*, *on* «год», которое в табл. 3 стоит рядом с маньчж. *aniya* (Д35), имеет этимологический эквивалент маньчж. *jon* «время; пора»²².

Монг. (Сокр. сказ.) *kōbši-* (правильно: *kōši-*) «замерзать», монг. *kōši-* «окочекеть (о трупе)», калм. *kōš-* «окоченеть, оцепенеть; плохо чувствовать себя, быть нездоровым; протянуть ноги», из которых первое противопоставлено в табл. 3 тюрк. *tong-* (Д82), на деле эквивалентно тюрк. *kōš-ül-*. В то же время приводимое здесь маньчж. *beye-* «замерзать» (ср. еще нанайск. *beje-* «замерзать», ульчск. *bei-*, негид. *begi-*, эвенк. *begi-*, *bei*, эвен. *begi-*, *bei*) этимологически соответствует монг. *begere-* «замерзнуть совершенно, окоченеть», калм. *bēr-* «окоченеть (от холода)»²³.

Любой язык может выражать понятия в соответствии со своим «основным словарем» не только при помощи слов с неизменными основами, но также посредством производных слов. Производные могут быть очень древними, в известных случаях они могут зарождаться в периоды, непосредственно следующие за отделением языка от языка-основы. Когда рассматривается «основной словарь» языка-основы, ясно, что эти производные не принимаются в счет, а привлекаются только слова, от которых они произошли.

Позволю себе отобрать несколько примеров из финно-угорских языков, которые с точки зрения алтайской теории гораздо более показательны, чем языки индоевропейские. Венг. *csillag* «звезда» явным образом принадлежит к «основному словарю» венгерского языка, хотя здесь речь идет о производном от глагола *csill-og* «светиться». С точки зрения финноугроведческой все же здесь «основным» может считаться только глагол, потому что существительное в этой форме и с этим значением было образовано уже во время независимого существования венгерского языка²⁴. То же самое можно сказать и о венг. *vörös* «красный», прилагательном, образованном от существительного *vér* «кровь»²⁵.

В табл. 3, составленной Дж. Клоусоном, содержится большое число подобных примеров. Взятый в отдельности каждый пример корректен, возражать против его включения в «основной словарь» тюркского языка (соответственно: монгольского, маньчжурского) нельзя. Однако с точки зрения алтайской основной лексики (если только таковая когда-нибудь существовала) в отношении большей части случаев, конечно, нельзя сказать, что это слова корневые. Вот несколько примеров.

¹⁹ Было бы странно, если бы народы, живущие в лесистых областях, заимствовали слово «лес» из китайского (см.: Дж. Клоусон, указ. соч., стр. 40); к тому же такое заимствование было бы недопустимо в свете точки зрения фонетической, ибо конечный согласный кит. *mi*, др.-кит. *miak* исчез только после IX в.

²⁰ См.: G. J. Ramstedt, Einführung..., I, стр. 139.

²¹ См.: P. Pelliot, указ. соч., стр. 225; Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 702.

²² См.: P. Pelliot, указ. соч., стр. 218; Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 702; G. J. Ramstedt, Einführung..., I, стр. 53.

²³ См.: G. J. Ramstedt, Einführung..., I, стр. 91.

²⁴ См.: L. Kó Gy., указ. соч., I, стр. 117—118.

²⁵ См.: B. Á. R. G., Magyar szófélék szótár, Budapest, 1941, стр. 342.

Тюрк. *aγüz* «рот» (№ 33) — производное от слова *aγ* «отверстие»²⁶. Равным образом и монг. *aman* «рот» является производным; оно неотделимо от монг. *angγa-yi-* «открываться, раскрываться», калм. *aγg^o* «держат открытым (рот)», *aγgā-* «быть открытым, иметь щель». То же самое можно сказать о маньчж. *angγa* «рот, зев, отверстие, дыра, щель» (с маньчж. *angγa* следует еще связать чжурчжэньск. Мин *amga*, чжурчжэньск. Цзинь *amja*²⁷); тунгусо-маньчжурские корреспонденция: начайск., ульчск., удэгейск., орокск. *angta*, ороцск., солонск. *amta*, начайск., орокск., негид., эвен. *amga*, эвенк. *amga*²⁸.

Производным является тюрк. *soγiq* «холодный» (№ 58), корневое слово которого — *soγ-* «быть холодным» — соответствует следующим словам: монг. *soyi-* < **soyi-* «позволить лошади остыть», маньчж. *soγo-* «привязывать потных лошадей или волов, чтобы они остыли»²⁹.

Производным является тюрк. *yašil* «зеленый» (№ 62); его корневое слово — *yaš* «свежий, молодой». Монгольское слово соединило в себе два этих значения: *podō'an* «свежая зеленая трава» в «Сокровенном сказании», монг. *noγuyan* «зеленый, зелень травы, трава, овощ; зеленый»; калм. *noγūn* «трава, зеленый». С монгольским словом непосредственно связывается маньчж. *niowanggiyan* «1. зеленый; зелено-голубой, голубой». Орфографически маньчжурское слово соответствует произношению *niwanggiyan*, которое восходит к форме *noa-yān*; ср. в чжурчжэньском формы *NO-gian* и *honggian*.

Тюрк. производное *qizil* «красный» (№ 67) восходит к глаголу *qiz-* «быть раскаленным, пламенеть, алеть»³⁰. Точно так же производным является монг. *hula'an, ulayan* «красный», ср. *hulal-* «быть раскаленным докрасна» в «Сокровенном сказании», монг. *ula-yi-* «становится жгуче красным, краснеть; созревать (о плодах, становящихся красными)»; калм. *ulā* «быть красным, становиться красным». Непосредственно с монгольским связываются маньчж. слова *fulayūn* «коричневый с красноватым», *fulata* «с красными кругами под глазами; иметь красные глаза», *fulgiyan* «красный». Это последнее слово засвидетельствовано в чжурчжэньском не только в эпоху Мин, но и в эпоху Цзинь.

Производным является монг. *᠘aγaγan, ᠘aγān*, в «Сокровенном сказании» *᠘aqa'an, ᠘aqa'n*, «белый»; ср. в «Сокровенном сказании» *᠘aγui-* «становится (белым) ясным», монг. *᠘a-yi-* «1. становится белым, белеть; 2. бледнеть; седеть»; калм. *lā᠗-* «становиться или быть белым, становиться или быть ясным». Непосредственно с монгольским связывается маньчж. *᠘anggiyan* «белый». Оно засвидетельствовано в чжурчжэньском (эпохи Мин) в форме *SA-gjan*. Маньчжурская и чжурчжэньская формы восходят к *᠘a-yān* (изменение *᠘* < *᠘* в маньчжурском и чжурчжэньском подтверждается многочисленными примерами).

Производным является тюрк. *tolu, dolu* «полный» (№ 60); оно связывается с формами *tol-* «наполняться», *to-d-* «наполняться (о желудке)», *to-q* «сытый» < *to-*³¹. То же можно сказать о монг. *dū'āreng, dū'āren, dūgāreng*, которые Дж. Клаусон приводит в параллель этому тюркскому слову;

²⁶ О финно-угорских эквивалентах этого слова см.: J. N 6 s e t h, *Probleme der türkischen Urzeit*, «Analecta orientalia memoriae A. Szoma de Körös dicata», I, Budapestini, 1942, стр. 70—71.

²⁷ «Acta Orient. Hung.», III, 3—4, 1953, стр. 227.

²⁸ См.: G. J. R a m s t e d t, *Einführung...*, I, стр. 140.

²⁹ См.: там же, стр. 88.

³⁰ См.: G. J. R a m s t e d t, *Einführung...*, I, стр. 112.

³¹ См.: A. v. G a b a i n, *Altürkische Grammatik*, Leipzig, 1950, стр. 74; C. В r o c k e l m a n n, *Ostürkische Grammatik der islamischen Litteratursprachen Mittelasiens*, Lf. 1—7, Leiden, 1951—1954, стр. 96.

ср. *dü'ür* «быть полным» в «Сокровенном сказании», монг. *dügür* «наполняться, быть наполненным».

Производным является тюрк. *qar* «снег» (Д 30); ср. у Махмуда Кашгарского *qa* «снежная буря»³²; точно так же *ša-sip* «снег» в монгольском увязывается с уже упомянутым глаголом *ša-yi* «быть белым»³³. Можно было бы увеличить перечень таких примеров.

Во втором перечне табл. 3 — «Дополнительные единицы» — также выделяются формы, снабженные побочными окончаниями. Эти формы, само собой разумеется, не могут быть зачислены (хотя бы и под вопросом) в «основной словарь» различных ветвей языков, тем более — в словарь предполагаемого алтайского языка-основы.

Такое тюрк. *birdä* «с; вместе» (Д74). Корневое слово во всяком случае — *bir* «один». По мнению Габен, это деепричастие от глагола *biril-* «объединяться»; употребляясь как послелог, оно имеет значение «с», «и», в форме же эллиптической (т. е. независимой), без предыдущего имени, оно обозначает «вместе»³⁴. Броккельман полагал, что это слово образовалось в результате фuzии *bir* «один» и *ilä* (деепричастия от глагола *il-* «присоединяться»)³⁵; *birdä* представляет собой образование, аналогичное таким, как *tünlä künlä* «день и ночь», *tangla* «утром», *yänilä* «снова», *qalla* «раз» и т. п. Тюрк. *birdä*, противопоставляемое Клаусоном монг. *gamtu*, точно соответствует монг. *nigen-e* «вместе, на том же месте», которое фигурирует уже в «Сокровенном сказании» в той же грамматической форме и в том же значении. Слово представляет собой форму *nigen* (*niken*), осложненную суффиксом датива-локатива. Маньчж. *emgi* «коллективно, вместе с, с» равным образом связывается с *emu* «один» и представляет собою не что иное, как сложение этого слова со словом *ergi* «сторона, бок». Кроме того, в маньчжурском есть образование, морфологически идентичное монгольскому *nigene*, — *emde* (<*emu-de*) «вместе с, с».

Тюрк. *qadä* (Д66), в качестве послелoga означающее «по направлению вниз» (эллиптическое: «вниз»), — не что иное, как деепричастие от глагола *qad-* «класть»³⁶. Монг. *dooro* представляет собой форму имени *doo*, снабженную падежным окончанием *-ro* (*-ra*, *-re*); ср. *doodu* «нижний; основа», *dooyur* «нижний, под». Тот же корень, имеющий при себе окончание директива *-ysi* (*-gsi*), дал *dooyisi*. Второй компонент в маньчж. *fejergi* (форма *fejerge* — не более, чем ляскус) «нижняя сторона, внизу» — слово *ergi* «сторона, направление». Маньчж. *fejile* представляет собой форму *feji* «нижняя часть» (< *pergi), снабженную архаическим окончанием локатива *-la*; это окончание сохранилось в маньчжурском только в наречиях: *dolo* «внутри, внутрь», *wala* «внизу»³⁷.

Тюрк. *öy* «вверх» — деепричастие от глагола *ör-* «подниматься»³⁸. Форма *yogari*, приведенная в табл. 3 как синоним (Д71), представляет тот же тип образования с падежным окончанием, а именно — окончанием директива *-ru* (в известных случаях *-garu*)³⁹. Монг. *de'ere*, *dege-re* и *de'egši*, *dege-gsi* равным образом являются формами, осложненными показателями локатива и директива *-ra* (*-re*) и *-ysi* (*-gsi*). Маньчж. *dergi* «вверх» — образование, по своему составу аналогичное *fejergi*. Маньчж. *dele* «верхний, высший, главный» — всего лишь форма, оснащенная окончанием локатива.

³² См.: С. Brockelmann, указ. соч., стр. 96.

³³ См.: G. J. Ramstedt, Einführung..., I, стр. 64.

³⁴ См.: A. v. Gabaïn, указ. соч., стр. 136.

³⁵ С. Brockelmann, указ. соч., стр. 182.

³⁶ См.: A. v. Gabaïn, указ. соч., стр. 137; С. Brockelmann, указ. соч., стр. 183.

³⁷ См.: J. Valzting, Die tungusischen Sprachen. Wiesbaden, 1956, стр. 84.

³⁸ См.: С. Brockelmann, указ. соч., стр. 167.

³⁹ См.: A. v. Gabaïn, указ. соч., стр. 140.

Здесь следует заметить, что корневые слова «основного словаря», обнаруживаемые в монгольском и в тунгусо-маньчжурских языках, идентичны.

Тюрк. *anta* «там» (Д70) и *buntā* «здесь» (Д67) — указательные местоимения *ol* и *bu* в локативном падеже⁴⁰. То же самое наблюдается в монгольском: *ende* «здесь» — представляет собой *ene* «этот» в локативном падеже, *tende* «там» — *tere* «тот» в локативном падеже. Маньчж. *terede* и *eredē* — устаревшие формы локатива местоимений *tere* «тот» и *ere* «этот»; эти формы были заменены формами *tede* и *ede*.

Тюрк. *kit* «кто?» (№ 77), *qalı*, *qanta* «как?» (Д68), *qačan* «когда?» (Д72), *qanta*, *qanı* «где?» (Д73) и монг. *ken* «кто?» (№ 77), *ker* «как?» (Д68), *keli*, *kejiye* «когда?» (Д72), *qa'a* «где?» (Д73), *qamtu* «вместе с» (Д74) одинаково являются производными; их рассмотрение увело бы нас слишком глубоко в сопоставление алтайских языков⁴¹.

Два перечня табл. 3, каждый по сотне слов, содержат единицы, которые в дальнейшем рассматриваются Дж. Клоусоном как исконные, поскольку слова, обозначающие первичные понятия, вероятно, составляли часть «основного словаря» во всех языках. Этот тезис неоспорим, если исходить из мысли, что приведенные в табл. 3 перечни слов могли бы войти в «основной словарь» известных языков. Нельзя, однако, вовсе не принимать во внимание хотя бы то положение, что основная лексика языков, развивавшихся независимо друг от друга, никогда не бывает идентичной лексике соответствующей праязыковой общности. Проиллюстрирую сказанное несколькими примерами из финно-угорских языков.

Перечень «диагностических единиц» в табл. 3 имеет в своем составе названия цветов — «белый», «черный», «красный», «желтый»; почему-то отсутствует «голубой»; из дополнительных цветов приведен «зеленый». В венгерском два из этих названий — «черный» и «белый» — имеют финно-угорское происхождение; на этом основании они включены в категорию корневых слов угорского праязыка; включение же этих венгерских слов в «основной словарь» финно-угорского праязыка требует более осторожного подхода⁴². Слово *vörös* «красный» является производным от существительного *vér* «кровь», и в этой форме оно уже не фигурирует в «основном словаре» финно-угорских языков. До IX в. венгерский язык заимствовал из тюркского языка типа древнего чувашского (протобулгарского или хазарского) слова *kék* «голубой» < *kök* (монг. *köke*) и *sárga* «желтый» < *šariγ* (монг. *sira*)⁴³. Слово *zöld* «зеленый» вошло в венгерский относительно поздно (некогда оно заменялось словом *kék* «голубой»), проникнув, вероятнее всего, из какого-то иранского языка (может быть, из языка ясов, ср. осет. *zaldā*)⁴⁴.

В так называемых алтайских языках картина такова: «черный» (в тюркском и в монгольском *qarangu* «темный», безусловно, производное от *qara*), «голубой», «желтый» являются общими для тюркского и монгольского;

⁴⁰ См.: А. в. Г а в а и н, указ. соч., стр. 93, 94.

⁴¹ Об алтайских указательных местоимениях *e* и *te*, а также об указательных, вопросительных и неопределенных местоимениях **qa-*, **ke-*, **ya-*, **ye-* см.: Г. J. R a m - s t e d t, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, II — Formenlehre, Helsinki, 1952, стр. 74—81. Подробно см.: А. в. Г а в а и н, указ. соч., стр. 99—103; N. P o p p e, Introduction to Mongolian comparative studies, Helsinki, 1955, стр. 225—231; J. В e n z i n g, указ. соч., стр. 112—115.

⁴² См.: L a k ó G y., указ. соч., I, стр. 188, 192.

⁴³ См.: Z. G o m b o c z, Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarische Sprache, Helsinki, 1912, стр. 91, 114 (MSFOu, XXX).

⁴⁴ См.: B á r c z i G., A magyar szókincs eredete, Budapest, 1951, стр. 54 (здесь оно фигурирует среди слов аланского происхождения). Необходимо заметить, что в алтайских языках, как и в некоторых языках американских индейцев, в «основной словарь» вошло, против ожидания, не «голубой», а «зеленый». См.: W. K o t w i e z, Contributions aux études altaïques, RO, VII (1929—1930), 1931, стр. 223—224.

«красный», «зеленый» — производные от различных для тюркского и монгольского образований, как и «белый» в монгольском; наконец, «белый» и «зеленый» являются общими для монгольского и маньчжурского.

Названия частей тела, несомненно, занимают важное место в «основном словаре» каждого языка. Нетрудно также уразуметь, что названия частей тела, признанные «диагностическими единицами», могут быть вторичного образования или даже быть заимствованными. В этом отношении нет нужды объяснять, как венгерский язык до IX в. заимствовал из тюркского имена *boka* «лодыжка», *gyotog* «желудок», *kar* «рука», *köldök* «пуп», *térd* «колено». Как, однако, случилось, что три из этих названий — «рука», «пуп» и «колено» — оказались в тюркской основной лексике (ср. в табл. № 22, 26, Д24)? Каким образом получается, что финно-угорский «основной словарь» располагает названием, по-видимому, тоже дифференцирующим (диагностическим), *agyar* «иклык», тогда как тюркский его не знает, хотя имеется безукоризненная тюрко-монгольская корреспонденция (тюрк. *azıy* «иклык» — монг. *agaγa* «коренной зуб» — маньчж. *arγan* «зуб»)? Это явное противоречие объясняется тем, что «основной словарь» невозможно свести к некоему непреложному перечню непререкаемой подлинности; в действительности «основной словарь» может существенно различаться по языкам и в еще большей мере — по семьям языков. Это воззрение, впрочем, поддерживается представителями глоттохронологии и лексикостатистики⁴⁵.

Мы стремились показать, что этимологические соответствия из двух списков Дж. Клоусона позволяют обнаруживать чрезвычайно дифференцированное и богато разветвленное переплетение. Со своей стороны, пока что я не отваживаюсь делать выводы процентно-счетного порядка о большом числе таких соответствий. Приступить к рассмотрению этого вопроса предстоит будущим исследователям.

Вместе с тем можно сказать уже сейчас, что в свете многочисленных соответствий глоттохронологические разногласия и согласованности будут выглядеть совершенно по-новому.

Нет нужды вводить добавочную аргументацию с тем, чтобы показать, какую серьезную помощь может оказать нам глоттохронологический и лексикостатистический метод в изучении таких проблем, как хронология отделения османско-турецкого и азербайджанского языков или — в случае генетического родства — отделения тюркского и монгольского языков и т. д. И все же представляется, что даже в этом случае сдержанность, проявленная Д. Хаймзом относительно использования глоттохронологического метода, в целях генетических⁴⁶, была обоснованной. По существу этот метод не годится для доказательства родства или неродства алтайских языков.

Впрочем, неродство языков, на мой взгляд, чрезвычайно трудно доказать. Доказать можно только то, что два (или более) языка родственны и восходят к одной языковой общности. Такое доказательство может оказаться неудовлетворительным, оно может быть отвергнуто, и это критическое отношение может сохраняться довольно долго, пока более убедительная, безукоризненная аргументация не выкудит нас оставить свою критическую позицию.

⁴⁵ D. N. H u s e v, указ. соч., стр. 7.

⁴⁶ Вот по существу вывод Д. Хаймза (указ. соч., стр. 19): «В принципе глоттохронология может быть применена только после того, как компаративный метод распяст ей путь». И далее на стр. 31: «Спрашивается: „Может ли контрольный список на сто слов быть достаточным для исследуемых временных пластов глубокой древности?“ Должно быть ясно, по-моему, что ответ будет положительным. Второй вопрос таков: обеспечит ли подобный список доказательство генетических отношений глубокой древности — и здесь зачастую ответ должен быть отрицательным».

Вопрос о родстве алтайских языков в течение более чем ста лет является предметом живого обсуждения; не раз оно приводило к накалу страстей, да и в наши дни полемика разгорается еще достаточно горячо. Точки зрения полярно противоположны: сторонники алтайского языкового родства восприняли априористическую точку зрения и отныне полагают излишним представлять новые доказательства; противники алтайского языкового родства замкнулись в неуклонном отрицании и относительно любых соответствий допускают только две возможности — «случайное соответствие» и «некорректное сближение».

В самом деле, родство, т.е. происхождение от одного общего алтайского языка языков тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских (не говоря уже о корейском, а также о других возможных отношениях) вплоть до наших дней еще не получило безукоризненного обоснования. Алтайская языковая общность не доказана так, как это сделано, например, в отношении языков индоевропейских или финно-угорских. Это может иметь две причины. Либо, действительно, так называемые алтайские языки не восходят к общему праязыку, и, следовательно, они не являются родственными. Либо, напротив, в деле они родственные языки, но их обличье, известное теперь (или же обличье более древнее), явилось результатом эволюции столь специальной и неравномерной, что их родство не может быть доказано сообразно известным моделям (индоевропейских, финно-угорских и т. д.), и ничто не указывает нам с достоверностью на путь, ведущий к праязыковой общности.

Если так называемые алтайские языки действительно родственны, то их родство может быть доказано только путем иррегулярным — таким же иррегулярным, каким было развитие этих языков; только этим путем будет произведено трудное, но иначе не осуществимое, распознавание их родства.

Алтайские языки не располагают письменными источниками столь обильными и древними, как у индоевропейских языков. Письменная история алтайских языков совсем не так продолжительна, как у индоевропейских языков; не уравниваются эти языковые группы и в отношении степени дифференциации их многочисленных представителей. Алтайские языки в отношении своих ответвлений еще более бедны, чем языки финно-угорские; к тому же они рассеяны по огромной территории. Наконец, необходимо учитывать и то обстоятельство, занимающее отнюдь не последнее место, что эти языки и народы, которые говорят на них в течение двух тысячелетий (а, может быть, и дольше), постоянно контактировали между собой, как об этом свидетельствуют письменные источники. Эти контакты, взаимно обогащая алтайские языки, неизбежно нивелировали их возможное общее праязыковое наследие. Судя по историческим источникам, наиболее интенсивные взаимоотношения установились между тюрками и монголами, с одной стороны, а с другой — между монголами и тунгусо-маньчжурами.

Все эти затруднения с необыкновенной силой проявляются при изучении лексики. Каждый из так называемых алтайских языков широко использовал возможности, предоставлявшиеся в области внутреннего обновления лексики, и создал систему производства слов, которые образовывались на основе имевшейся корневой лексики. Изучение роли табу в ходе этого развития предпринималось неоднократно⁴⁷, однако проблема эта никогда не обсуждалась во всем ее объеме. Пока еще не удалось понять, почему и с каких пор в тюркском существует столько производных среди

⁴⁷ См. об этом: N. A. Baskakov, Vestiges de tabou et de totémisme dans les langues des peuples altaïques, «VIII Congrès International des anthropologues et des ethnologues», Moscou, 1968.

названий частей тела: *adaq* «нога» < *ad-* «шагать», *boʻyaz* «горло» < *boʻy-* «сдавливать, быть сдавленным», *burun* «нос» < *bur-* «вдыхать, нюхать»; *yurak* «сердце» < *yur-* «двигаться», *qaraq* «глаз» < *qara-* «смотреть», *tirnaq* «ноготь» < *tir-* «царапать»⁴⁸. Интересно отметить, что в некоторых эскимосских диалектах названия частей тела табуированы⁴⁹. На протяжении своего контактирования изучаемые языки передали и заимствовали значительное число слов (пропорции заимствований и отдач, разумеется, никогда не были идентичными). Заимствования не раз отодвигали элементы основной лексики на периферию языка, откуда они не замедляли исчезнуть. Этот процесс может быть проиллюстрирован современными примерами. Так, например, замечено, что из могольского исчезло множество древних монгольских слов — они уступили место своим таджикским эквивалентам, среди которых, помимо слов исконно иранских, выделяются лексемами тюркского или иного происхождения.

Нельзя, наконец, забывать, что на протяжении их долгой истории, которую невозможно выверить по письменным источникам, так называемые алтайские народы могли вступать в контакты, в соответствии с чем необходимо считаться с субстратом или суперстратом в их языках. Вопрос о языковом субстрате уже был поднят в применении к языкам тунгусо-маньчжурским⁵⁰. Необходимо, кроме того, уделить совершенно особое внимание исчезнувшим палеоазиатским языкам. Следует считать, что, начиная с VI в. по меньшей мере, в районе истоков р. Енисей бытовали самодийские языки; их присутствие в этом районе подтверждается не только китайскими источниками, но и топонимическими материалами. Древняя история монгольского и маньчжурского языков в свою очередь не может быть воспроизведена без учета языка корейского.

Со своей стороны, я полагаю, что весьма значительное число соответствий, представляемых лексикой так называемых алтайских языков, в большинстве своем связано с заимствованием. При всем том следует остерегаться подходить к этой огромной теме с одной единственной меркой «заимствования». Заимствования не датируются одной и той же эпохой. Почти каждый значительный период контактов двухтысячелетней давности имел свой собственный лексический слой. Хронология (иногда — только относительная хронология) этих слоев заимствований могла бы быть установлена только в результате тщательных и неуступных исследований. Более древний и менее многочисленный из этих слоев, без сомнения, будет иметь в своем составе следы общей лексики алтайского праязыка — если только таковой существовал. Что же касается числовых размеров этого слоя, на этот счет лучше не заблуждаться. Позволю себе напомнить поучительный пример, приведенный П. Аалто: он показал, что число общих корреспонденций индоевропейского происхождения в языках шведском и греческом почти не превышает шестидесяти, причем и среди них некоторые слова трудны для распознавания, см. *ijjaw* : *perisi* «прошлый год»⁵¹. Если лексический материал этих двух языков сопоставить по спискам ста «диагностических единиц» и ста «дополнительных единиц», то на основе этого вряд ли представится возможность объективно судить о генетических отношениях шведского и греческого, не говоря уже об индоевропейском родстве. При учете насыщенной передвижениями истории алтайских язы-

⁴⁸ См.: Munkácsi B., *Türkisch burun*, KSz, XIV, 1914—1915, стр. 352; J. Németh, *Probleme der türkischen Urzeit*, стр. 72—73.

⁴⁹ См.: K. Bergsland, *Is lexico-statistic dating valid?*, «Proceedings of the XXXII. International congress of americanists. Copenhagen, 8—14 August 1956», Copenhagen, 1956, стр. 655—656.

⁵⁰ См.: Г. Д. Санжеев, указ. соч., стр. 707—708.

⁵¹ P. Aalto, *Uralisch und Altaisch*, UAJb, 41, 1969, стр. 334

ков естественно, что лексикостатистическая таблица помогает обнаружить иррегулярность: именно в случае генетического родства различные алтайские языки дадут чрезвычайно низкий процент общих элементов алтайского «основного словаря» и чрезвычайно высокий процент элементов, относящихся к лексике после отделения языков.

На мой взгляд, не лексикостатистика и не глоттохронология определяют будущее алтаистических исследований. И если даже в один прекрасный день мы будем вынуждены отказаться от гипотезы генетических отношений между так называемыми алтайскими языками, не будет никаких причин прекращать алтаистические исследования: в этом случае их целью станет освещение интенсивных контактов между этими языками и тех глубинных закономерностей, к которым ни тюркологи, ни монголисты, ни специалисты по тунгусо-маньчжурским языкам сами по себе не могут даже приблизиться. Научный спор в области названных сложных проблем способствует прояснению многих их деталей и появлению ряда ценных работ, среди которых видное место занимают работы Дж. Клоусона, выдающегося противника алтайской теории, успешно обогащающего алтаистику.

Перевела с французского Г. Ф. Благова